

Пролог

Я старый человек.

Во всяком случае, так утверждают мои дети. Если быть честным с самим собой, да и с вами — а я в душе поклялся быть честным, решив поведать свою историю, — они не только утверждают, но и искренне верят в это. Они действительно думают, что я стар. Что я нахожусь на расстоянии двойного чизбургера от инфаркта, который отправит меня, их родителя, в сырую могилу. Несмышленьши. Я не стар. Мне сорок четыре года. До сих пор поднимаются в воздух самолеты, которые старше меня. Дайте дотянуть хотя бы до пятидесяти, прежде чем звать коронера, заставив его покинуть насиженный диван в душном кабинете. Может быть, даже до семидесяти или восьмидесяти. А вот девяностолетним себя не представляю, и не настаивайте.

Но. Но!

Ощущаю ли я себя старым? Вопрос совершенно иной.

Да, ощущаю. Я так же стар, как орех пекан, уничтоженный ураганом «Хьюго», выдернутый из благословенной, покрытой зеленью почвы на дворе у родительского дома, — а ведь это событие я счел бы невозможным, если бы не видел своими глазами. С какой невыносимой тоской я глядел на перекрученные мотки корней, похожие на длинные белые пальцы в комьях грязи, вырванные из теплого дома, куда им уже не вернуться, поскольку всему дереву суждено пойти на дрова и больше не принести урожая. Я мог бы подробно остановиться на этом, и навер-

няка мое повествование было бы занимательным, однако пора перейти к своей истории.

Да, к моей истории. В наших лесах всегда найдется история, достойная того, чтобы ее рассказали.

Вам предстоит выслушать мою.

В ней не будет ни обмана, ни лжи. Так что позвольте сразу сказать: многие считают меня убийцей. Хуже того, монстром. Монстром столь отвратительным, каких до сих пор не видел мир. Звучит несколько мелодраматично, сознаюсь, однако я воспринимаю ситуацию именно так. Представьте, что о вас говорят нечто подобное. Как бы вы себя чувствовали?

И что мне остается, кроме того, чтобы поведать вам правду?

Предупреждаю честно, история мрачная. Вы можете в нее и вовсе не поверить — сердце будет твердить, что на свете не существует такого зла. Я не обвиню вас. Черт, да если бы я сам не пережил то, чем хочу поделиться, если бы я не видел это своими глазами, я и сам вряд ли поверил бы, как не поверил бы в погибший орешник с сохнувшими корнями. Нет ни одного мгновения, когда я не желал бы, чтобы моя история оказалась выдумкой, мороком, который наслал на меня какой-то чародей и который день за днем и ночь за ночью оживает на задворках разума.

Увы, это правда, только правда и ничего кроме правды, как говорят адвокаты. Меня успокаивает то, что я начинаю рассказ с предельной откровенностью, сознаваясь перед вами в том, что меня более всего ранит — в том, что люди считают меня монстром. Единственное возражение: в глубине души (как выразился бы Диккенс) мне известно — на самом деле я не убийца и тем более не монстр.

Итак, позвольте начать. История состоит из двух частей, в равной мере значимых. Я был подростком, когда тот ужас начался; а когда он вернулся, сам стал родителем. Обещаю рассказать все без утайки.

И вы, неведомый читатель, выступите моим окончательным судьей.

Глава 1

Самтер, Южная Каролина

17 декабря 1979 года

Мне 7 лет

В воздухе пахло Рождеством.

Я ощущал его едва ли не физически, когда ледяной ветер подхватывал пыль, заставляя ее танцевать в дренажных канавах на Мэйн-стрит, и пронизывал меня до костей, вызывая такую же дрожь, что и в предвкушении встречи с самим Санта Клаусом — он дал посидеть у себя на коленях всего несколько минут назад. (И неважно, что тот Санта Клаус работал неполный день в автомагазине Броддома и от него пахло джином.)

Я просил всегда об одном и том же подарке, полагая, что если не буду кланчить всякую ерунду, то шансы увеличатся. Предметом моих чаяний был трактор из коллекции «Тонка», недавно выпущенная модель: полноценный бульдозер в комплекте с самосвалом. Разумеется, я вполне осознавал, что это сразу две игрушки, однако надеялся, что старик Санта посчитает их за одну; они же идут в паре! Может, от усталости и не заметит.

— Говоришь, «Тонка»? — добродушно гнусавил он, подбрасывая меня на своем полном бедре. — Знатный подарок для мальчугана твоего возраста. Думаешь, старые ушлые эльфы с Северного полюса сумеют его сварганить?

Он улыбнулся, показав желтые — особенно по контрасту с фальшивой белой бородой — зубы.

— Да, сэр, думаю, сумеют, — ответил я, старательно демонстрируя всю уверенность, на которую был способен ради столь желанного результата.

— Ну что ж, — ответил Санта. — Нужно набраться терпения и подождать. А пока постарайся быть хорошим мальчиком, радовать маму и папу. Таких добрых людей, как они, я в жизни не встречал. Передавай им привет от старого Джеффри.

Я рассмеялся, найдя жутко забавным, что старик Броддон даже не потрудился притвориться «тем самым волшебником». Дети прекрасно знают, что у Санты куча помощников по всему миру. Так что открытие не подвергло сомнению мою веру, радость была безмерной и непосредственной. Если бы только я мог заморозить во времени вселенную и остановить свое неминуемое взросление!.. Уподобиться насекомому в куске янтаря.

Несколько минут спустя я стоял на тротуаре под вывеской аптеки «Рексолл», обхватив себя руками и стараясь извлечь хоть немного тепла из холодного разреженного воздуха. С минуты на минуту приедет папа; он отправится на рынок продать пару тюков сушеного табака, оставшихся с прошлогоднего урожая. В любой другой день я упробил бы папу взять меня с собой, послушать выкрики аукционистов — они сыпят словами быстрее, чем когда проигрываешь пластинки на слишком высокой скорости. Но тогда я скорее всего упустил бы шанс поговорить с Сантой. (Ну ладно, с помощником Санты).

На Мэйн-стрит свернула большая машина, и я шагнул вперед, прежде чем увидел, что это не папин грузовик. Огромный автомобиль — черный, запыленный, побитый. И вообще не грузовик, а катафалк — ужасная большая машина, которая перевозит ужасные маленькие вещи — с надписью на боковой дверце «Похоронное бюро Уиттакера». Собственно, после десяти или двадцати лет нещадной эксплуатации надпись почти не читалась. Сохранились лишь несколько букв и логотип — изображение церковной колокольни, переплетенное с одной из букв «О» в слове «Похоронное». Впрочем, неважно, читалась надпись или нет — все равно это был единственный транспорт в городе, где возили мерт-

вых людей, а за рулем заезженного катафалка мог сидеть лишь один человек.

Машина с грохотом неслась вдоль проезжей части, изрыгая из себя ядовитые выхлопные газы. Сквозь пыльные окна кабины я не различал водителя, однако точно знал, что это Коротышка Гаскинс*, мастер на все руки, когда дело касалось недавно усопших. Просто находка для Уита Уиттакера! Коротышка предоставлял все услуги: он перевозил усопших, обмывал усопших, бальзамировал усопших, обряжал усопших и хоронил усопших. В городе шутили, что Коротышка Гаскинс выроет могилу быстрее, чем Парсон Финчер прочтет заупокойную молитву. Я не уверен в этом полностью, однако преподобному пришлось бы поднапрячься.

Катафалк, накрываясь, подрулил к тротуару и остановился футах в двадцати от меня. Мотор взревел и затих, напоследок извергнув из себя очередь щелчков. Автомобиль виделся мне драконом, который устраивается на отдых после долгого дня, проведенного в охоте за овцами и принцессами. Я ничуть не стыжусь признать, что в тот момент содрогнулся от озноба, слишком сильного даже для студеного зимнего дня. Дверца распахнулась, и на долю секунды я поверил, что сейчас и в самом деле появится дракон — блестящая красная чешуя, открытая пасть, полная острых зубов, желтые глаза-щелочки... И у меня словно гора с плеч свалилась, когда из кабины выскочил Коротышка Гаскинс. Папа всегда подшучивал над его малым ростом: говорил, что он потеряется в пшеничном поле, даже если встанет на цыпочки.

— Как дела, шкет? — окликнул Коротышка, заметив меня под аптечной вывеской. Тощий — кожа да кости, голова наполовину лысая, оставшиеся жидкие пряди неряшливо свисают почти до плеч. И всегда чисто выбрит, будто стремится выставить напоказ отметины от юноше-

---

* Дональд Генри Гаскинс по прозвищу Коротышка — реальное лицо, один из самых жестоких серийных убийц в истории США. Казнен в 1991 году. (Впрочем, персонаж данной книги скорее его альтернативная версия.) *Здесь и далее прим. перев.*

ских угрей. Может, считает их чем-то вроде боевых шрамов? Глаза добрые — единственное его достоинство, — вот только находятся словно бы не на своем месте.

— Очень хорошо, сэр, — ответил я, все еще дрожа от патологического холода, который Коротышка привез на своем транспорте. Я вытянул шею, высматривая папин грузовик — вдруг он сейчас магическим образом появится из-за катафалка?

— Где твоя мама? В универмаг пошла? Не очень-то разумно стоять на улице, малец. Можешь простудиться и умереть.

Да простят меня за крамольную мысль, однако при этих словах в глазах мужчины вспыхнула искра.

Возможно, на этой неделе бизнес шел вяло, и Коротышке хотелось развеять скуку.

— Я вообще-то жду папу, — ответил я и поспешно добавил: — Он вот-вот будет здесь. В любой момент. — Я в очередной раз бросил взгляд вдоль улицы.

— В любой момент, говоришь? Наверное, он у тебя самый лучший папа на свете. — Коротышка сплюнул на тротуар. — Ну, бывай. А мне надо купить кое-что.

Он подошел к задней части катафалка и повернул ручку. Раздался щелчок, и дверь, печально скрипнув петлями, открылась. Я вздрогнул, уверенный, что сейчас из фургона появится разбуженный покойник. Гаскинс нырнул в салон по плечи, извлек какой-то предмет и с шумом закрыл дверь. Эхо, подхваченное ветром, понеслось вдоль улицы.

Я ничуть не удивился, увидев, что Гаскинс сжимает в руках растрескавшийся черенок своей верной лопаты. Весь город знал — Коротышка повсюду носил с собой дедовскую лопату, как некий талисман; он часто использовал ее в качестве импровизированной трости. Кладбище находилось в добрых пяти милях, однако Гаскинс все равно держал инструмент при себе. Я могу поклясться могилами своих предков, что однажды видел его в церкви с лопатой на коленях.

Коротышка вскинул инструмент на плечо, совком назад. Металл заржавел, на зазубренных краях лопаты налипли ко-

мья грязи чуть ли не с прошлого столетия. Люди поговаривали, этой лопатой копали могилы для солдат Гражданской войны. (Надеюсь, их опустили туда мертвыми).

Наконец — наконец! — папин грузовик вырулил из-за поворота. Ощувив внезапный и необъяснимый приступ храбрости, я задал вопрос, который потом мучил меня полжизни, даже десятки лет спустя, после того как полицейские извлекли трупы из Трясины — некоторые с головами, а некоторые и без.

— Пойдите! — выпалил я, когда Коротышка уже удалился от меня футов на пять и весело вышагивал вдоль по улице в направлении своего неведомого «шопинга».

— Чего тебе, малец? — отозвался он и замедлил шаг, перехватив лопату обеими руками, чтобы не соскользнула с плеча.

— Зачем вы повсюду таскаете с собой эту штуку? Даже когда не на работе?

Гаскинс пару раз мотнул головой — подыскивал в уме идеальный ответ. И наконец ощерился в ухмылке, которую можно было оценить примерно на девять и шесть десятых по десятибалльной шкале ужаса.

— Затем, сынок, что везде можно наткнуться на тело, которое требуется похоронить.

И удалился, покачивая лопатой.

Глава 2

Линчберг, Южная Каролина

Март 1989 года

Мне 16 лет

Время текло, как ему и положено; текло подобно реке, где моя жизнь была всего лишь листком, который плыл по течению, — я всегда знал, в каком направлении мне двигаться, но не имел представления, где закончу свой путь. Когда мне исполнилось шестнадцать, за короткий отрезок времени на ферме моих родителей все кардинально

изменилось. Мои старшие братья и сестры все свое детство собирали табак, высушивали табак и увязывали табак в тюки; их руки постоянно были испачканы черной липкой смолой — сущее наказание, табак невозможно отмыть, какую убойную химию ни используй, — а вот мой мир стал совершенно другим.

Когда мне исполнилось десять, папа решил сдать в аренду большую часть земли — ему взбрело в голову, что он слишком стар для фермерства. Пусть другие падут, а он будет за ними наблюдать. Само собой, наши доходы снизились. Однако мой папа был из тех, кому много не надо. Бедная мама...

Но тут я прервусь.

Потому что делаю все неправильно.

Начинать нужно не отсюда.

Да, историю моего отрочества нужно поведать, и я ее поведаю — потому что история без правильного начала никому не нужна, тем более теперь, когда она подходит к концу. Но как изложить некоторые факты и как навязывать вам значение событий, не представив главных героев, перед которыми однажды предстанут эти ужасы? Как же без них?

Как же без них, без самых главных для меня на свете людей? Ведь без них моя жестокая история — всего лишь пустая оболочка.

Я говорю, разумеется, о своих детях.

Глава 3

Автострада I-20

Июль 2017

Мне 44 года

1

— Папа! Уэсли опять меня локтем толкнул!

Я вел машину; автострада простиралась впереди подобно широкой каменной реке, а в зеркале заднего вида

одна за другой таяли линии дорожной разметки. Шуршание шин по асфальту напоминало монотонное пение фантастического морского существа, застрявшее на одной ноте, и я на миг закрыл глаза. Затем сделал глубокий вдох и выпустил из себя воздух. Снова открыл глаза. Дорога не изменилась; за этот миг мы почти не приблизились к дому бабушки. Оставалось как минимум часа четыре.

— Папа!

Я опять сделал вдох. Прохладный воздух из кондиционера втягивался прямо мне в легкие и покидал их неохотно, как едкий наркотический туман. На сей раз я глаза не закрыл.

— Что такое, Мейсон?

Тоненький голосок сына — порой настолько нежный, что ранил мне сердце, буквально рвал его на части от любви, — сейчас напоминал визг чертенка.

— Уэсли опять толкается! Он меня уже достал!

В мире есть люди — возможно, мой читатель, вы тоже в их числе, — которые считают тупым клише все эти «он меня толкнул». Пусть ничего из моего рассказа вы не примете всерьез, но имеется один достоверный факт, достоверный, как сила тяжести, как то, что Земля круглая, а Луна ее спутник: если у вас есть дети и они сядут рядышком, то один ребенок непременно начнет толкать другого, вследствие чего обиженное чадо будет уверять взрослых, что его или ее раздражают вышеупомянутые действия.

— Уэсли, — сказал я, стараясь сдержать уже собственное раздражение, — пожалуйста, прекрати толкать младшего брата.

Я посмотрел на Уэсли в зеркале — шестнадцать лет, светлые волосы падают на глаза, в которых таится мудрость шестидесятилетнего старика. Он ответил улыбкой, скрывавшей в себе многое, — да, он просто поддразнивает Мейсона, да, он виноват, а еще ему скучно и он меня любит. В его улыбке сияли все краски мира.

— Хорошо, папа, — ответил он с непередаваемым сарказмом. — Я выполню твое разумное указание, если ты по-